

Павел Брычков

Потерянный страх

А вот и вышка. Триангуляционная. Деревянная, посеревшая от дождей и солнца. Мы шли к ней километра два. Вообще-то сейчас урок географии, но его совместили с уроком физкультуры, и мы на лыжах отправились сюда.

Рашида Хафизовна рассказывает, как используют такие вышки, а ребятам не терпится скорее на верхнюю площадку забраться. Внутри вышки лестница с одной площадки на другую. Всего как бы пять этажей получается.

Первым полез Вовка Гуляев, но дальше второго этажа не поднялся.

– Лестница ненадежная, – виновато объяснил он.

Колька Синицын докарабкался почти до третьего, но выше тоже не отважился.

– Ступеньки обледенели, – оправдывается.

Ну а я совсем не полез: у меня с высотой с прошлого лета нелады.

Тот год был неурожайный на черемуху. А ко мне приехал двоюродный брат Гешка из города. И все же решил я его черемухой угостить. Привел в самое лучшее место, где хоть по яголке, да можно попробовать.

Сидим на самых верхушках, лакомимся.

Объел я все на своем дереве и вижу на соседней черемухе ягодка аппетитная – спасу нет! Взялся одной рукой за сучок, другой – к ветке потянулся. Сучок возьми да обломись, и я боком полетел на землю. Лечу, а самому не верится: ерунда, во сне это, ничего не будет.

Мне часто снится, что лечу, падаю куда-то, аж дух захватывает, а проснешься – цел и невредим.

Что было дальше, плохо помню. Осталось только, как пережат переходили, ноги холодом обожгло, да как тетка Степанида у пекарни звала:

– Иди сюда, перевяжу.

Очнулся на кровати, по носу провел – кровяшка. Перелег на пол, чтобы постель не пачкать, и снова будто провалился.

Оклемался, когда под нос нашатырь совать стали. Ничего, обошлось, только нос здрю порвал да ногу вывихнул. Но с тех пор высоты стал бояться. Даже с крыш перестал прыгать. Голова плывет, ноги как ватные...

Пока мы стояли да маялись, Галька Шумилова, конопатая тихоня и скромница, вдруг подошла к лестнице и начала медленно карабкаться вверх.

– Эй, ты куда? Валенки потеряешь!

– Шлепнешься, мамонька плакать будет! – смеялись мы поначалу.

Но она уже на втором этаже.

– Да куда ей, слабо! – петушился Колька.

Но когда Галка полезла на четвертый этаж, все замолчали и с волнением следили за ней, задрвав головы.

А Галька упрямо двигалась вверх, только чуть медленней и осторожней. И вот она уже на площадке. На самой верхней.

– Эге-ге-гей! – закричала радостно девчонка куда-то вдаль.

Интересно, что она там видит?

А Галька сняла шарф и бросила его. Он красной змеей падал к нам под ноги. Вот тебе и тихоня! Такого уж я не мог вынести.

До третьего этажа долез быстро. А тут глянул вниз. И будто пустой стал: ни рук, ни ног не чую. И если бы не Галька там, наверху, никакая сила не заставила бы подниматься выше.

Самой страшной была лестница на верхнюю площадку – узенькая, заледенелая. Да еще руки-ноги будто ватные. Кое-как вполз...

– Сань, посмотри, как красиво! – показывает Галька на заросший лесом лог, на сверкающие под солнцем поля...

А мне не до красот. Глянул краешком глаза вниз: ребята малюсенькие, глянул вверх – облака плывут. И показалось вдруг, что вышка медленно падает. Вцепился в круглый столик на середине площадки и стою. Тошно мне. А Галька улыбается, и глаза такие счастливые, каких у нее сроду не видывал. Рыжуха проклятая, может, из-за нее сейчас жизни лишусь. Как спускаться-то, если руки-ноги трясет.

– Санечка, ты чего это такой бледный? Не заболел?

Заботливая... Двинуть бы ей, да руки заняты!

А Галька сняла варежку и положила ладошку на мой лоб. Ладошка горячая-горячая. И тут во мне будто щелкнуло. Страх не стало, он исчез! Испарился. Я уставился на Галькины глаза и никак не мог сообразить: неужели это та самая Галька, мимо которой никто не пробежит, чтобы не дернуть за рыжую косу. Что за чудо с ней случилось? Золушка да и только!

На душе стало легко и тепло. Я стоял, смотрел на Гальку и глупо улыбался.

Как спустился на землю – не заметил. Домой бежали, кто быстрее, по старому накатанному следу. Я на лыжах бегаю средненько, а тут такая легкость! Даже накатистый шаг вдруг прорезался. Колька, которому я не соперник в лыжной гонке, только удивленно вскинул голову, когда я пролетел мимо него. Впереди бежал только чемпион школы Степка Батнев и упорно не давал лыжню. Но я наседал и наседал ему на пятки. Мне было хорошо бежать, легко, как никогда, словно потерянный страх облегчил все тело. А среди радужных точек в сверкавшем снегу мне виделись синие Галькины глаза.

1979